

Б. И. Каракулов (*Глазов*)

Плеоназм. К проблеме нормы в удмуртском языке

Плеоназм в языкознании представлен как “избыточность выразительных средств, используемых для передачи лексического и грамматического смысла высказывания” [ЛЭС: 379]. В широком смысле он понимается еще как многословие, повторение однородных слов, оборотов, вплоть до дублирующих общий смысл предложений. Иногда разновидностью плеоназма считают и тавтологию.

В удмуртском языкознании при рассмотрении частных вопросов приводятся факты с плеоназмом и скорее они представляются как языковые аномалии. Этот вопрос, как нам известно, в удмуртском языке не являлся еще предметом отдельного исследования. В данной статье нас интересует природа возникновения

плеонастических форм и отношение к каждому факту с точки зрения нормы удмуртского литературного языка.

В удмуртском языке можно найти плеонастические явления на всех языковых уровнях: лексики, морфемики, морфологии и синтаксиса.

На синтаксическом уровне, в первую очередь, это примеры с тавтологией, когда использованы однокоренные слова в нескольких последовательно идущих предложениях в текстах прозаического характера:

Кы́че пина́тьёсты ваё татчы? Семьяосын соос уродзэ сяна номыр уг ад́зо. Эшишо школаосын сы́чезэ ватсало на (нылпиос тамак кыско, шуш кылъёсын тышкасько, огъя вераса, трос кулэ́тэм бордазы лякиськемын). Собре гинэ спецшколае донго, кулэ́тэм макеез музэн. Трос дыр кулэ́ ни сы́че нылпиез эмъяны. Таза-лыкэ но, сямзэ но. Но туж кулэ́ вылэм нимысьтыз тодон-валанъёсын, нылпилэн пушкысьтыз шекъёссэ тупатыны быгатись ужасьёс (Иднакар. 1994. 14-тй апрель).

Или в этом же ряду встречается употребление одного слова в одном или нескольких предложениях:

Нош Нинамылы, Диксы думетын пуке шуыса, жаль потэм но, али гинэ вордскем кучапиез коть мед ад́зоз шуыса, кар вёзас, учкыны шуыса понйллям (Иднакар. 1998. 14-тй апрель). Лыдьянтэм, нош со уг вала сое, отчы ик тысэра, лякиськем люгы кадъ. Бёрысь кылй ни, со чеберай-тури дышетисьлэн атай-пенсионерынз калге, пе (Инвожо. 2001. № 3. 45-тй б.).

Такого вида плеоназм не обусловлен языковой нормой и оценивается как ошибка. Он встречается в небрежно оформленных текстах – сочинениях учащихся, студентов, и как видно из примеров, характерен, к сожалению, в какой-то степени и публицистической речи.

К этому виду плеонастического употребления близки примеры, где использовано имя и глагол, исходящий от этого же имени, или наоборот отглагольное имя с однокоренным глаголом. Такие словосочетания стали особой стилистической приметой фольклорных текстов, они характерны и разговорной речи:

Сюз сюз но тóди óскоз (Гаврилов: 48). Одыг бёрдонэз кык пол уг бёрдо. Веранзэ вераса óз быдты.

Подобные примеры характерны языку периодики, радио и художественной литературы:

Кенешисько пичи кенеше ветлэмъёсын (язык радио). *Вань улытозямы татын ик улймы* (язык радио). *Быгатонлыкэс возматыны быгатйзы...* (язык радио). *Арасъёс арамись дугдйзы* (Кедра Митрей). *Туннэ со, тиспу сулэз сулыса, аслыз балаган лэсьтйз но, зорono куазьлэсь кышкатэк, отчы кёлыны выдйз* (Кедра Митрей). *Но оломаиз олома, аслым ачим юан сётй* (Е. Загребин). *...азьло кадь ик нылкышноос арак (вина) пöзтыса юо, кудёо, висёнэн висё* (Кенеш. 1998. № 4. 13–14-тй б.). *Со одйг вамыштэтсэ вамыштйз ке, туж паськыт, туж югыт выль улон сюрестй кошкoз* (Кенеш. 1998. № 4. 14-тй б.). *Табере тани Педие чылкак мукет кырзан кырза* (Кенеш. 2001. № 4. 59-тй б.). *Галина Александровна егит на, азыпалаз трос лэсьтоно ужъёсыз, удмуртъёс шуэмъя, трос на кырзано кырзанъёсыз. Мылкыд карем потэ: вань кырзано кырзанъёссэ кырзаны мед кылдоз* (Кенеш. 1998. № 4. 39-тй б.).

Однако такой вид плеоназма многих авторов не устраивает, поэтому они избегаются от подобных сочетаний: *кырзанэз быдэстоз...* (язык радио).

Другим видом чрезмерного плеоназма является параллельное использование в одном придаточном удмуртского и заимствованного союзов: *что – шуыса, хотя – ке но, если – ке, пока – дыръя, раз – бере* и т. д. В сложноподчиненных предложениях с придаточным времени рядом с удмуртским союзом *дыръя* 'пока' используется заимствованный из русского языка союз *пока*:

Дасяське, пока аран вуымтэ на дыръя, ортчйтэ (П. Блинов). 'Готовьтесь, пока жатва еще не подоспела, устраивайте (свадьбу)'. *Адзиськод-а? Ос усътэмын. Пока йырыд быгылес на дыръя, тёлзйтском.* 'Видишь? Дверь отворена. Пока голова цела еще, уматывайся' (примеры заимствованы из: [ГСУЯ 1974: 65]).

Подобное параллельное употребление в одном придаточном удмуртского и заимствованного союзов замечено в просторечии в сложноподчиненных предложениях с условными придаточными:

Если куазь öз зоры ке, нуназе бере маштаськыны потом. Ежели озьы гыримы ке, кукурузаез покров дорозь кизёно луоз. Кинлэн мар ужез, раз мон яратйсько бере (примеры заимствованы из: [Шутов 1997: 19]).

Использование союзов в подобных случаях ограничено рамками просторечия, хотя в грамматике это специально не оговаривается. Их возникновение, на наш взгляд, стало возможным в условиях интенсивного контактирования удмуртского языка с русским. В художественной литературе употребление подобных

примеров связано со стилистическим заданием – индивидуализированием речи персонажей.

Чрезмерный плеоназм замечается в предложениях, где параллельно употреблены предлоги и послелогои: *Тазыы учконо ке, этнофутуризм но реализм куспын соку шуак ог 50 процент пала огкадес луыны кутске* (Инвожо. 2001. № 3. 20-тй б.).

Сравните пример с послелогом без плеоназма: *Совхозын 400 гектар пала картофка бусызы* (Дась лу! 1988. 23-тй сент.).

Подобные явления с повтором характерны языку периодики.

На уровне синтаксиса обязательный плеоназм присутствует в примерах с каритивными отношениями (о полинегативных особенностях удмуртского языка см. также: [Каракулова, Каракулов 2000: 75–77]). Обнаруживается двойное отрицание в удмуртских общеотрицательных предложениях, где наряду с отрицанием при сказуемом используется форма отрицательного местоимения. Это местоимение может быть любым членом предложения.

1. Входит в структуру самого сказуемого:

Кызыы тй асьтэ миллионъестэс поттйды, – со Америкаын номыр кадь ик ёвёл (В. Маяковский).

2. Является второстепенным членом – дополнением:

– *Тон та сярись нокинлы эн поттылы, ние* (М. Петров).

3. Выступает в функции обстоятельства, в этом случае местоимение переходит в разряд наречия:

Зырдыт сюлэмды ноку но медам сйя, азылане ялан вамыштон сямды ноку но медам быры, Вениамин Владимирович (Горд знамя. 1988. 20-тй сент.). *Усто дышетскыны ноку бер ёвёл* (Дась лу! 1981 17-тй январь).

В редких случаях негативными становятся три члена предложения:

Бунт сярись трос верасько, нош уж вылын нокин номыр уг лэсьты (М. Петров).

В данном примере *нокин* – подлежащее, *номыр* – дополнение, *уг лэсьты* – сказуемое. Правда, в разговорной речи возможно расширение негативности еще и обстоятельством – *ноку*.

В области морфологии отмечаются следующие примеры с чрезмерным плеоназмом:

1) в употреблении инфинитивных форм:

Нош зырдыт мылкыдо пезянайёс задор кырзасы но этйзы, учкисьёс ик круген шудыны потыны дасесь вал ини (Иднакар. 1998. 9-тй апрель);

2) с суффиксом множественного числа в форме *пиосъёс*: *Гуртамы сыёе нимын пиосъёс ик ёвёл* (Кенеш. 2001. № 4. 50-тй б.).

В этом случае мы рассматриваем возникновение плеоназма от омонимичных аффиксов, вторая морфема первоначально могла иметь значение 'люди' (см.: [Каракулов 1997: 208]);

3) с суффиксами со значением ласкательности:

Ой, пичиосы, нуныкаосы, сиемды-а потйз? (Инвожо. 2000. № 3–4. 83-тй б.);

4) чаще в зонах переходных говоров, т. е. в районах контактирования южного и северного наречий, равнозначными морфемами, отдельно не противоречащим нормам литературного языка, могут использоваться гибридные формы винительного падежа. Эти сочетания морфем из элементов двух наречий создают чрезмерный плеоназм, например, *нюлэсьёсызты*:

...мил'эмдыс йаратиз ас'мэлэн мумымы (Кельмаков 1981: 234). *Соос шуо, лэзь, пе, милемызты, кулэ ке луим, тон милемызты черекты, ми лыктом* (Алнаш. район, д. Варзибаш).

В д. Ертем Юкаменского района также используется подобный плеоназм, только в другом фонетическом оформлении: *мил'эмэзть*.

Отдельные лингвисты, в частности П. Н. Перовошиков [1961: 275], как проявление своеобразного плеоназма рассматривают изафетную структуру, где получает морфологическое оформление и слово-обладаемое: *мынам коркае, тынад анаед, солэн кышетэз*. Эти примеры можно рассматривать как факультативный плеоназм, т. к. их значения могут быть представлены их вариантными формами: *коркае, анаед, кышетэз*. Хотя, нужно признать, значения лично-притяжательных морфем в последнее время расширяются (см. об этом: [Каракулов 2000]).

В. И. Алатырев в именных сочетаниях с определением, имеющим в своем составе выделительно-указательный суффикс *-эз* (*-ез*), отмечает проявление своеобразного плеоназма. В предложениях *Вылысез гозы ишкалкем, гырлы бекырскыса музэ усиз. Улысез гозы сое черк пала чукин кыскиз* (Кедра Митрей), по мнению исследователя, вместо сочетаний *вылысез гозы* и *улысез гозы* "свободно можно было употребить *вылысез* и *улысез* (без слова *гозы*)" [ГСУЯ 1970: 63].

Хотя нам представляется, что значения морфем и существительного не совсем идентичны. Морфема *-эз* (*-ыз*) в подобных примерах получает значение определенного артикля (см. об этом:

[Каракулов 2000:47]), тем самым указывает и на существование другого предмета, подобного названному словом.

На лексическом уровне замечены плеонастические употребления форм в топонимах, в частности *Юшур*. Подобная лексема с буквальным значением 'река-река' возникла в результате исторического развития языка и постепенной утраты лексического значения первым компонентом.

Мукетъят нош чик өвöltэмезлэсь ньиль парсьпизы потйз ик вал но, соос но утыр кыкез кōтазы йōтыса арам луизы (Инвожо. 2000. № 3–4. 83-тй б.). Части этого слова *мукет* и *ят* имеют одинаковое значение 'другой, чужой', но вторая часть, как и в предшествующем примере, утратила свое значение, сохранилась только в диалектах, контактирующих с татарским языком, в частности, в бавлинском говоре.

Подобное развитие получили однозначные слова в сложной форме *зечбур* (букв. 'хорошо-хорошо') и диалектные формы *мыдъят, мыдрат* 'в следующем году' (букв. 'другой-другой').

Плеонастическое употребление иногда становится удачным для создания терминов: *йōскалык* 'нация', раньше обе части слова *йōс* и *калык* имели значение 'народ'. В фольклорных произведениях данное сочетание использовано со значением 'товарищи': *Вож бериж ка јоз калыкэ вал* 'У меня были свои товарищи как молодые липы...' (Гаврилов: 42; 106).

Некоторые подобные образования, перешедшие в термины, уже закрепились в норме литературного языка, например: *бере кылись* 'отстающий', букв.: 'позади отстающий', вторая часть термина чаще используется в литературном языке со значением 'отстающий'.

К этим примерам примыкают сочетания слов с ненормированным плеоназмом: *Туэ арын техника басътйм на вал* (язык радио).

Нагромождение слов противоречит в какой-то мере самой сущности языка, ее основной функции – быть средством общения. Если в разговорной речи идет сокращение слов (*сины, пукны*), в письменной речи – обратное явление. Созданные сочетания затрудняют восприятие текста, их нанизанные формы в отдельных случаях, на наш взгляд, следует рассматривать как ненужные уточняющие слова:

Адямиослэн кулэясъконъёссы, сюлэм висёнъёссы, тэльмырем-бōрдэм-куректэмзы табере солы нокыче өз йōтылэ ни (Г. Перевошиков).

Появлению подобных плеонастических словоформ, видимо, способствует лексико-синтаксический способ словообразования, который в удмуртском языке является одним из продуктивных: например, образования существительных типа *анай-атай* букв.: 'мать-отец', *тусьты-пуньы* букв.: 'миска-ложка' показывают совокупность предметов, подобных составляющим, даже их включающие. Таким образом, первый пример получает значение 'родители', второй пример – 'посуда'.

С одинаковыми значениями глаголы, исходящие из разных диалектов, типа *октыны-калтыны* 'собирать', *октыны-бичаны* 'собирать', *серекъяны-горыны* 'смеяться' закрепились в норме литературного языка. Такие парные слова создаются в разных языках чаще в эпоху межплеменных контактов (см. об этом: [Дегтярева 1964: 136]). Их создание и закрепление в удмуртском литературном языке вызвано необходимостью сделать язык понятным для носителей разных диалектов.

Подобные им скопления используют и со стилистическими целями, для создания необычайного эффекта: глаголы – для выражения близких действий, а также продолжительности их, прилагательные – для обозначения интенсивности признака:

Ужасько-ужасько, ачим но сютэк улйсько, пиналъёсы но голыкесь... (Кедра Митрей). *Буй-буй нап тису куаръёс пöлын гинэ шузимымон шумпотыса чирдо-кырзало тылобурдоос* (Советской Удмуртия. 1981. 18-тй сент.). *Жомыт-окыт корка пушкысь калык пумен-пумен шай вылэ, омыртэм мур гуэ көче* (Кедра Митрей).

Такие же стилистические цели, видимо, преследуют нанизывания синонимичных отглагольных форм:

Нош оглол, Одотезлэсь корказь выжысысь воштйськон туфлиезлэсь палзэ шедьтыса, номырлы ярантэм сыскемез-йыръемез бере, кышноез кучапизэ воксё адземпотостэм карыны кутскиз (Инвожо. 2000. №3–4. 84-тй б.).

Иногда вторым элементом в глагольных скоплениях может выступать местоименная форма глагола *мараны*, не имеющая лексического значения, она только указывает на дополнительное действие, близкое по значению предшествующему глаголу:

Собере сезьыед сисьмыны шедиз-мараз ке, семьяед но сютэк улонэ вуоз (Кедра Митрей). *Интыяскыса-мараса семьязэ но отчы нуо, шуэ вылэм* (Г. Перовошиков).

А в именных образованиях нанизанные формы помогают указывать на необозначенный предмет или лицо, признак, поми-

мо указанного, или они, видимо, в некоторых случаях приобретают функцию местоимений:

Скалмес вандйзы, валмес нуизы, гидмес-кеносмес сутйзы (Кедра Митрей). *Мон ачим кемалась гуртысь кошки ини, но вань мынам отын улйсь чыжы-выжы-кумыосы* (Инвожо. 2001. № 3. 45-тй б.). *Колхозэ пыртыса, соослэсь музеймзэс но, геры-усы-машиназэс но, пудо-животсэс но огазаязы* (Г. Перевощиков). *Нап бус пыртй кадь возьматскиз луоё-изо-выро пустыня* (Г. Перевощиков).

Нанизанной формой в отдельных случаях обозначают одно лицо, но сама форма указывает на присутствие при нем других лиц, как, например, в нижеследующем предложении – родителей, жены, детей:

Али соос асьсэлы кадь оско, тодо: оз, пизы-картсы-бубызы номыр со-та оз дарманты, нош соку... (Г. Перевощиков).

Повтор имеет другое значение в поэтических произведениях. Например, Ф. Васильев в одних стихотворениях каждую строфу начинает одинаковыми фразами:

*Пужымъёс жэутско инме,
Кожалод – тукыч нёлъёс.
Жог йото соос синме,
Кожалод – сзезь нылъёс.
Пужымъёс жэутско инме...*
(Ф. Васильев: 171–172).

В других стихотворениях поэт каждую строфу заканчивает одинаковыми предложениями:

*Ньылпу йылысь мёзмись куака выллем
Куаретйсько улон нуналъёсты.
Мылкыд но из пыдсы, вылды, усем.
Тон яраты монэ, тон яраты.
Лёттылыса кадь лобасько, оло,
Вунэтйсько вёзын мынйсьёсты.
Шат со сярысь ик синъёсыд но верало.
Тон яраты монэ, тон яраты.*
(Ф. Васильев: 750).

Такой прием помогает создать стройную систему стихотворения, причем повтор в заключительном предложении подчеркивает законченность произведения. Подобный прием способствует выделению ведущего образа.

Повтор, кроме различных стилистических функций, используется поэтами и для сцепления строф, продолжения своих мыслей:

*...Тодыны но лубысал но, вылды,
Со сярись ке зечгес малпасал.
Со сярись ке зечгес малпасал,
Адзысал, дыр, солэсь яркытсэ.*

(Ф. Васильев: 161–162).

Таким образом, в удмуртском языке присутствуют разные виды плеоназма: одни из них закреплены нормой литературного языка, они противопоставлены ненормированному виду. Между отмеченными разновидностями выделяется факультативный плеоназм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Васильев Ф. И. Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1995.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Казань. 1880. 180 с.

Горд знамя – газета Глазовского горкома КПСС, Глазовского райкома КПСС, народных депутатов городского и районных советов Удмуртской АССР.

Маяковский В. Мынам Америкаез усътэме / Перевод А. Бутолина. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1954.

Дась лу! – газета Удмуртского обкома ВЛКСМ и областного совета пионерской организации им. В. И. Ленина.

Загребин Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997.

Иднакар – газета Глазовской районной Думы, Ярского и Красногорского районных Советов депутатов, Администрации Балезинского района. Глазов.

Инвожо – молодежный журнал. Ижевск.

Кенеш – журнал писателей Удмуртии. Ижевск.

Кедра Митрей. Секыт зйбет. Ижевск: Удмуртия, 1988.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981.

Перевощиков Г. Тодьы куака: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1994.

Петров М. Вуж Мултан: Роман; 2-тй изд. Ижевск: Удмуртия, 1977.

Советской Удмуртия – республиканская удмуртская газета. Ижевск.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия, 1970.

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974.

Дегтярева Т. А. Пути развития современной лингвистики. Т.3. М.: Мысль, 1964.

Каракулов Б. И. Некоторые соображения об удмуртской морфеме *-ос* (*-йос*) // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: Материалы второй научной конференции / Международ. Восточно-Европейский ун-т. Ижевск: Изд-во Междунар. Восточно-Европ. ун-та, 1997. С. 207–208.

Каракулов Б. И. О проблемах, связанных с категорией посессивности в удмуртском языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Издательский дом “Удм ун-т”, 2000. С. 45–49.

Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2000. 92 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Перевощиков П. Н. Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка // Вопросы составления описательных грамматик: Сб. статей. М: Изд-во АН СССР, 1961.

Шутов А. Ф. Удмурт синтаксисысь куд-ог ужпумъёс // Вордскем кыл. 1997. № 2. 16–19-тй б.